

ЗЕРКАЛО ДЛЯ ГЕРОЯ

Размышления над книгой В. В. Скоробогачко «Бурбулис и другие. Портрет героя на фоне времени». Екатеринбург: Изд-во Урал. фед. ун-та, 2022. 576 с.

Взяться за книгу о родном факультете, о своих однокурсниках, друзьях, о далеком прошлом – довольно трудная задача. Но если еще встроить в повествование исследование жизни одного человека, своего друга на протяжении более чем полувека (1969-2022 гг.), – планка требований к монографии уходит в отрыв. А добавьте к этому очерк советской эпохи «полных событий» 1960 – 1980 годов, а также субъективную и потому яркую, метафоричную характеристику первых лет постсоветского времени – начала 1990-х гг. – в разрезе провинциальной и общегосударственной истории в сферах науки, культуры, политики, человеческих отношений – и дорога, выбранная автором, превращается в путь бывшего альпиниста.

А если при этом альпинист сознательно выбирает для себя не истоптанную тропу подъема, а самый трудный горный склон? Ведь сложно, признайтесь, найти в обыденном сознании более противоречивого персонажа современной истории, чем главного героя книги Геннадия Эдуардовича Бурбулиса (в тексте монографии и в нашем тексте далее – ГБ). Работа над книгой в таком случае превращается в разведку боем, где шансы на безусловный успех маловероятны. Строчки из песен В. Высоцкого нередко звучат в книге В.В. Скоробогачко (далее – ВВС). Напомню и эту: «но мы выбираем трудный путь – опасный как военная тропа»..



ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Фельдман Михаил Аркадьевич – Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66) feldman-mih@yandex.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Фельдман М.А. Зеркало для героя. Рецензия // Муниципалитет: экономика и управление. 2022. № 3. С. 71–77.

Маги на мавзоле

Дав в первой главе книги яркую историко-философскую картину первых десятилетий советской истории, ВВС подводит весьма жесткий итог: «у истории в форме знания не было шанса занять достойное место в картине мира советского человека. Правящий класс не нуждался в историческом знании по одним причинам, общество – по другим, но в итоге и верхи, и низы довольствовались **упрощенной черно-белой картиной прошлого и настоящего**» (здесь и далее – выделено мною. М.Ф.) (с. 107).

Пожалуй, ключевые слова монографии уже прозвучали.

«Стремясь забыть о недавнем кошмаре сталинских репрессий и военных лет, советское руководство попыталось на новой основе запустить Социалистический

проект в том виде, в каком его (будто бы) задумал и завещал последующим поколениям советских людей Ленин» (с. 107).

Автор отмечает, что в начале 1960-х гг. Программа построения коммунистического общества в СССР оказала магическое воздействие на подростков в больших городах и в рабочих поселках. «Толчком к политическому пробуждению (ГБ) стал XXII съезд КПСС, на котором была принята новая, третья по счету, программа партии, поставившая перед обществом задачу построения коммунизма» (с. 140). Гуманистические **начала нового** Социалистического проекта привели к рождению «новой культуры, в основе своей массовой, питавшейся городским фольклором послевоенного времени». Мощный пласт **обновленной** со-

ветской массовой культуры давал импульс для формирования основ самостоятельного мышления (с. 105-106).

Парень из простой семьи, обитавшей в заводской части промышленного города Первоуральска, впитывал в себя, казалось бы, несовместимые вещи: приоритет технократических знаний; заоблачный полет тезисов о **скором** коммунистическом будущем; основы правил бытия рабочего поселка с его бедностью, повсеместными пьянством и запрограммированным мордобоем. И здесь же жили тяга к справедливости, привитая родителями, школой, книгами – всем тем, что называлось в то время провинциальной городской культурой.

Своеобразием юноши, его индивидуальной особенностью, утверждает ВВС, стало то, что «идея

долга, которую ГБ перенял от своих родителей, исключала довольно распространенный в те времена взгляд на общественную работу как на возможность попасть на глаза начальству, получить дополнительный доступ к материальным благам или символическим знакам поощрения, игравшим известную роль в продвижении по карьерной лестнице» (с. 140).

От родителей мы берем, сами того не осознавая, многое. От отца и матери, отмечает автор, Бурбулису передалась «обостренная чувствительность, позволявшая ему улавливать душевные токи в психологической атмосфере вокруг себя, их динамику и возможные угрозы, не себе – другим». Немногим подросткам к 16-17 годам давалась «удивительная восприимчивость, позволяющая улавливать первые, еще слабые сигналы нарастающего напряжения, могущего перерасти в конфликт» ...; «способность диагностировать психологическое состояние окружающих его людей, выделяя зоны неблагополучия» (с. 158).

Мир не ценой достоинства

Да, «конфликты были естественной средой существования рабочего поселка, и умение отстаивать в жестком единоборстве себя, свои интересы ценилось высоко». Но, по зоркому наблюдению ВВС, «еще выше ценилась способность найти выход из неминуемого, казалось бы, столкновения, отыскать путь к разрешению конфликта, удовлетворяющего всех участников, сделать уступки, без которых невозможен мирный исход противостояния, но сделать это так, чтобы не потерять лица и собственного достоинства» (с. 103).

Работа после школы слесарем контрольно-измерительных приборов на заводе «Хромпик», а затем на Первоуральском новотрубном заводе; три года службы в ракетных войсках в Киров-

ской области, казалось бы, предполагали типичную дорогу парня в советском рабочем городе. По мысли ВВС, «духовная атмосфера первой половины шестидесятых, ее специфика, породившая целое движение инакомыслия, была обусловлена прямым и резким столкновением утопии и реальности, столкновением беспрецедентным и не имеющим аналогов в истории советского общества» (с. 176). Однако большинство советских людей рассматривали подобное несоответствие пропаганды и реальности как «временные трудности» на верном пути. ГБ оказался среди немногих, задумавшихся над природой противоречий советской действительности. Отсюда был путь к поступлению на философский факультет.

ВВС обосновывает свой послыл о том, что они нашли друг друга: ГБ и философский факультет. Необычный человек, мыслящий и мужественный, в свои 24 года резко отличался от вчерашних школьников прежде всего ответственностью за каждый шаг, начиная с организации питания на уборке картофеля вчерашними абитуриентами. Но необычным был и сам факультет, основанный «шестидесятником», ученым, фронтовиком М.Н. Руткевичем. Факультет, где учили не сумме знаний, а самостоятельности мышления и понима-

нию ценности собственных исследований этого мира.

Строки монографии, посвященные однокурсникам, пронзительны и музыкальны – так может писать только человек, нашедший верных друзей, товарищество в учебных аудиториях, стройотрядах, общественных организациях, на футбольном поле. Студенческий курс оказался той счастливой территорией, где ВВС и ГБ (и не только они) нашли жен – единственных на всю долгую жизнь.

Но, «все мы в руках ненадежной Фортуны». Авторитет М.Н. Руткевича, организатора и первого декана философского факультета Уральского государственного университета (1966–1972 гг.), шесть лет был определенным заслоном на пути идеологии и догматизма процесса обучения. С уходом Михаила Николаевича, подчеркивает ВВС, на факультете «выветривался дух большой науки» (с. 233). Частыми стали визиты офицеров КГБ, приглашения студентов к «сотрудничеству с органами». Вопрос о продолжении обучения в аспирантуре был поставлен в зависимости от политической лояльности студента.

Мысли ГБ (на старших курсах) о новой модели комсомола, в основе которой должно было стать «пространство социального и профессионального самоо-



В этом здании УрГУ на философском факультете ГБ учили не сумме знаний, а пониманию ценности собственных исследований этого мира.

Противоборство реформаторов с государством чреват и для государства, и для самих оппозиционеров

пределения молодых» (с. 199); его ироническое отношение ко многим штампам общественной работы стали известны членам партбюро факультета. Это означало, что дорога в аспирантуру непосредственно после окончания учебы в 1974 году для выпускника Бурбулиса была закрыта. Понимая всю трудность своего положения, он допускал вариант возвращения в Первоуральск: «уйду учителем в вечернюю школу, буду учить молодых рабочих. Там мое место» (с.1 96).

Но – «лютни уж нет, да звучат ее струны». Да, в УрГУ уже не работал Руткевич, но его пример постоянного научного поиска и высокой роли преподавателя в студенческой аудитории прочно вошел в сознание курса 1974 года выпуска: из 17 студентов группы, где учились ВВС и ГБ, 15 человек стали преподавателями вузов, а десять – докторами наук.

ВВС, освещая этапы становления ГБ как преподавателя, подчеркивает: работа на кафедре философии УПИ, аспирантура, защита кандидатской диссертации, – все это были подготовительные шаги к взлету ГБ в 1983 году («андроповское время»). «ГБ попал, на первый взгляд, в такой же инженерно-технический институт, но только для взрослых». Став заведующим кафедрой общественных наук и, через некоторое время, заместителем директора по научной и методической работе ИПК Минцветмета, ГБ нашел «свою» аудиторию из «сложившихся, твердо стоящих на собственных ногах взрослых людей, ... слушателей, подавляющая часть которых были специалистами крупных,

успешно работающих предприятий» (с. 312). Весь предшествующий текст монографии убеждает: это не было случайностью – блажен, кто ищет.

Кто за новеньким?

Монография раскрывает «таинство» изменений в ГБ – если «происходившие в экономике перемены, дух новых веяний формировали специфический социальный заказ в области переподготовки заводских специалистов» (с. 316), то эти же люди требовали осмысления и обобщения «новых форм организации производства, новых стимулов для повышения трудовой дисциплины и роста производительности труда». Говоря определеннее, нужны были технологии управления социальным поведением больших и малых групп (с. 320). «Это обстоятельство ломало сложившийся за девять лет преподавания в вузе стереотип отношений с аудиторией. Монолог учителя с учениками сразу и бесповоротно уступил место диалогу с собеседниками, живому многоголосию, когда поочередно роль учителя брал на себя тот или иной из «учеников» (с. 312).

По мысли автора книги, в 1983–1985 годах рождался преподаватель новой формации, готовый к формированию новых междисциплинарных предметных областей исследования. Олицетворением новой науки стал системный подход (с. 322). Путь к только рождавшейся в СССР социологии управления сочетался с формированием вокруг ГБ круга единомышленников (с. 326). Время перестройки встречал уже «другой ГБ». Человеку, нашедшему «свой факультет», а затем

«свою аудиторию», довелось найти и свое Время.

В монографии ВВС высвечены главные контуры периода перестройки. Контур **взлета больших надежд**: «романтическая вера вождей образованного класса в изначальную непорочность демократии, по крайней мере, в ее очищающее живительное действие, породила духовную энергию, которая на короткое время сделала интеллигенцию идейным авангардом советского общества, социальной опорой курса перестройки» (с. 336).

Итак, контур **бездны**, который открылся с марта 1985 года, вопреки всем законам физики, но повинуюсь нормам истории, казался тогда твердой почвой: «отказ от сталинской модели был принят за отказ не только от сталинизма, но и от тоталитаризма как такового. И только опыт последующей истории показал, что советский тоталитаризм как социальная конструкция оказался чем-то более масштабным и глубоким, чем те его модификации, которые были обусловлены историческими обстоятельствами места и времени и помечены именами «творцов» – сталинизм, хрущевский волонтаризм, брежневщина (с. 326).

А вот контур **ограниченности ресурса** тех, кто все же решился на полет над бездной: «основная масса образованного класса нашла выход из доктринально обусловленных мировоззренческих тупиков в ретроспективном обращении к идеям и опыту досталинского прошлого, к позднему Ленину и Бухарину. Большинство было завожено исходящей от Революции магией – мечтой-обещанием мгновенного взрывного решения всех проблем, от социальных до личных, включая самые интимные».

Требование трибуны

Время взлета окрыляло: «вот этот подъем новой волны, идущей откуда-то сверху – из боль-

ших городов, из кухонных застолий и кружковой работы рядовой интеллигентской массы, людей не очень благополучных в социальном отношении, из кабинетов больших и малых руководителей творческих союзов, комсомольских органов, средств массовой пропаганды и агитации, политотделов и парткомов... уловил ГБ» (с. 361). Круг единомышленников, друзей-однокурсников и знакомых ГБ превратился в 1987 году в политический клуб – Городскую Трибуну.

Автор монографии дает лаконичную и яркую картину превращения политического клуба провинциального города в один из центров стихийно возникшего общесоюзного общественно-политического движения. ГБ удалось взять в свои руки руководство и подготовкой, и самим ходом заседаний Городской Трибуны. «Решающим фактором, конечно, стала подготовка заседания, которую под руководством ГБ проводил постепенно складывавшийся штаб Трибуны. Это был ее мозг, интеллектуальный центр. ...Но это была только верхушка, «узел», с помощью которых Трибуна соединялась с десятками неформальных объединений и кружков, с сотнями гражданских активистов и тысячами «сочувствующих» (с. 375).

Оставался шаг до создания политической партии. Но в монографии звучат пронизательные слова: «ирония истории за-



Советский тоталитаризм как социальная конструкция оказался более масштабным и глубоким, чем его модификации, обусловленные обстоятельствами места и времени.

ключалась в том, что в середине 1980-х годов часть советской интеллигенции, которая в целом числила себя наследницей революционных демократов и черпала в этом чувстве исторического преемства пафос, помогавший ей противостоять духовному и физическому давлению со стороны государства, незаметно для себя самой перешла определенную черту. Она сделала ставку в своем противостоянии с государством не на «народ», а на вождя – Вожаго, который, наподобие пушкинского Пугачева, сумеет найти верный путь» (с. 368). Что ж, отдадим должное: пожалуй, только знаток пушкинской прозы и поэзии мог сравнить Ельцина с Пугачевым.

Пушкин в новелле «Радищев» обозначил характер бездны: противоборство радикальных реформаторов с государством. ВВС как политолог смог обозначить масштаб раскрывающейся бездны: противоборство реформаторов с государством чреватое и для государства, и для самих оппозиционеров.

Характеристика в монографии Б.Н. Ельцина, «вождя», совмещившего черты Радищева и Пугачева, интересна, прежде всего, оценкой интеллектуального потенциала будущего первого президента – «нелюбовь к интеллектуальной работе, к длительному умственному напряжению была характерна для Ельцина». ВВС приводит слова ГБ о человеке, ставшем лидером российской демократической оппозиции: «...Ельцин, когда вникал в задачи, требующие чрезвычайного мыслительного напряжения, то погружался, работал. Но очень скоро от этого уставал. Это, наверное, навык мобилизационной системы управления, навык четких простых решений» (с. 543). А ведь речь, заметим, о характеристике одного из лучших первых секретарей обкомов и горкомов партии.

Ельцинский внешне привлекательный «навык четких про-

стых решений» ВВС расшифрует, как «пренебрежительное отношение к вопросам теории, к продумыванию стратегии, которую заменяет генеральная линия – совокупность тактических приемов движения к цели» (с. 543).

По мысли ВВС, ГБ стал своеобразным мостиком между Ельциным и интеллектуальной и культурной элитой страны, без которой будущий президент «не смог бы переродиться, для такого обновления ему не доставало интеллектуального, культурного и личного потенциала» (с. 407). Собственно говоря, это неоднократно подтверждал и сам Ельцин (с. 467).

Органика отчужденности

Союз интеллектуала ГБ и авторитарного лидера, недавнего «первого коммуниста Москвы», в конце 1980-х казался идеальным: в борьбе за «углубление перестройки» два мужественных и энергичных человека из Свердловска хорошо дополняли друг друга. Монография ВВС обстоятельно описывает путь демократического движения в СССР во второй половине 1980-х годов, указывая на риски неизведанной дороги.

Победы на выборах народных депутатов СССР в 1989 году привели к появлению парламентской оппозиции союзному центру – Межрегиональной депутатской группы (МДГ). Как проблеск надежды звучат слова автора книги: «возникновение парламентской оппозиции означало, что политики, в первую очередь оппозиционные, взяли на себя обязательство действовать в пределах норм конституции и законодательства, избегать радикальных действий революционного толка. В определенном смысле это было поддержкой Горбачева, который призывал не раскачивать лодку, в которой плывут все» (с. 412-413).

Горький сарказм всех последующих лет, включая наши дни,

Борьба с аппаратом союзного государства привела к возрождению основ региональной и местной жизни

состоит из трех слов: «надежды юношей питают». Ельцину, как лидеру демократической оппозиции, оказался «органически чужд ... конструктивный диалог власти и оппозиции» (с. 542). Конечно, дело было не только в Ельцине. Та «упрощенная черно-белая картина прошлого и настоящего», отмеченная в начале монографии, означала, что к реформам приступили люди, не знавшие ни собственной, ни зарубежной истории; у которых понимание современной экономики ограничивалось в лучшем случае практикой одного завода или строительного треста.

Если первоначально «МДГ была продуктом перестройки, то есть такого освобождения мышления интеллектуальной элиты страны, которое имело вполне отчетливые границы – социализм, человек, демократия» (с. 413), то под влиянием Ельцина и близких к нему радикально настроенных политиков МДГ переключилась не на «ра-

боту над законопроектами, а над тем, как быстрее убрать Горбачева. Межрегиональная группа твердо верила, что главное – убрать Горбачева» (с. 415).

Концентрация усилий демократической оппозиции на борьбе с аппаратом союзного государства действительно привела к ослаблению управленческих рычагов. Наступало время децентрализации, возрождения основ региональной и местной жизни, констатирует ВВС (с. 422). Вместе с тем, в книге верно отмечено парадоксальное на первый взгляд явление – расширение демократических институтов в союзных республиках породило процессы противоположного характера: рост сепаратизма и национализм; утрату связи между управляющим центром и периферией (с. 422). Но парадокс был только внешним: хрупкая конструкция СССР (как союза государств) не была приспособлена к радикальным переменам. К сожалению, тема сохранения централи-

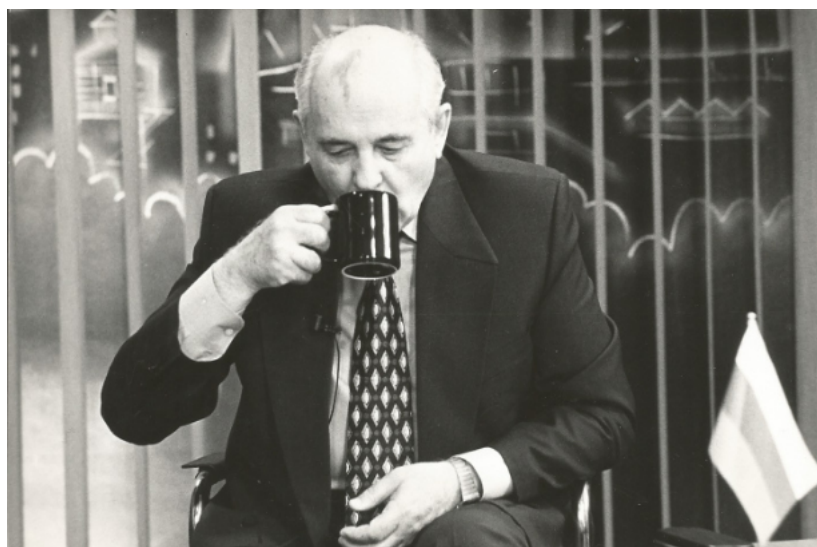
зованного государства как необходимой оболочки проведения последовательных демократических реформ оказалась вне поля внимания ГБ и его сторонников.

Автор монографии только фиксирует выход Ельцина и ГБ из рядов КПСС (с. 458). Но это был не менее значимый ошибочный шаг: уход из многомиллионной партии сузил поле поддержки преобразований, чем воспользовались организаторы путча в августе 1991 года. Выход демократической части КПСС из правящей партии ускорил распад единого государства.

В монографии не указана ответная реакция аппарата (точнее, «его министерской» части) на реформирование страны. Между тем, в недрах ведомств началась тайная подготовка Закона о приватизации – главного документа периода трансформации. Видимая картина демократизации политической жизни – и невидимый, но куда более весомый процесс грядущей бюрократическо-криминальной приватизации предприятий, обозначили два противоположных пути, составивших основу жизни советской страны на рубеже 1980-1990-х годов.

Путь разведчика

Говоря о том, что «встреча с Ельциным стала для ГБ роковой», ВВС пытается смягчить смысл произнесенного: «роковой – значит, отдавшей его в руки Судьбы, судьбоносной...» (с. 388). И вот с этим трудно согласиться: все последующие оценки Ельцина и его действий в монографии носят вполне определенный характер. Чего стоят такие, например, строки, адресованные Ельцину: «внеморальность политического поведения, преступание нравственных принципов, мгновенный разрыв отношений, еще вчера казавшихся прочными и надежными, – характерные приметы вождя-параноика, те, что обусловлены не его психологи-

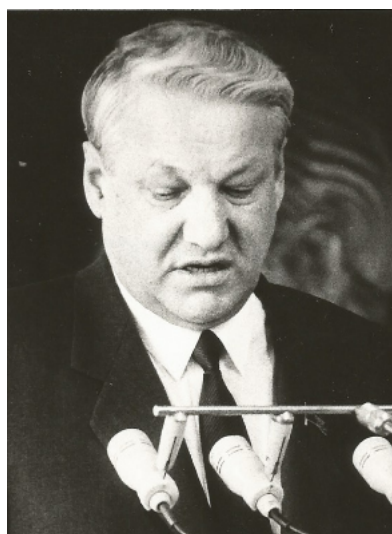


Под влиянием Ельцина Межрегиональная депутатская группа переключилась не на работу над законопроектами, а целью стало – быстрее убрать Горбачева.

ческой конституцией, но способом властвования» (с. 541).

ВВС, справедливо и точно показывая рост организаторского мастерства ГБ, его умение находить талантливые кадры, разрабатывать предвыборную стратегию, упускает серьезную деталь – чем выше была ступенька сотрудничества ГБ с Ельциным, тем глубже шло погружение в противоборство с аппаратом союзного государства. Став разведчиком пути демократических преобразований в СССР, ГБ (вместе с Ельциным) утратил провозглашенные в 1987 году политические ориентиры: борьба за власть стала приоритетом, а улучшение материально-бытового положения советских людей – ради чего и затевалась перестройка – превратилась в трехступенную задачу.

В монографии раскрывается рост управленческих характеристик ГБ в первые месяцы постсоветской жизни. Так, по свидетельству Ельцина, ГБ «был не только фактическим руководителем..., он был лидером этого правительства, обладая моральным авторитетом и политическим влиянием. Авторитет Бурбулиса для гайдаровской команды был в то время абсолютно непререкаемым. Все вопро-



Для авторитарного лидера, каким был Ельцин, разведчики любого ранга в команде «вождя» должны были стать (и стали) простой пехотой.

сы с президентом министры решали через Геннадия Эдуардовича» (с. 468). Такое признание первого президента дорогого стоит! Если бы не личные воспоминания десятков миллионов граждан России о том, чем стал для них 1992 год: безденежье, безработица, разгул бандитизма...

В монографии фиксируется та удивительная легкость, с которой в конце 1980-х годов лидеры движения за углубление социализма обратились к антикоммунизму. ВВС сдержанно замечает, что «такая политическая установка фактически исключала возможность каких-либо конструктивных взаимодействий с правительством и вела к отрицанию эволюционно-реформистского пути, стратегии выращивания институтов демократии» (с. 458).

Логика действий вела Ельцина к следующему шагу: «о возможности выхода России из состава СССР он открыто заявил на митинге в Свердловске годом ранее – 25 февраля 1990 года, накануне выборов народных депутатов РСФСР» (с. 497). Оценка автора монографии такого шага однозначна: «с определенного времени проект суверенной России стал для Ельцина инструментом борьбы с союзным центром, с Горбачевым за личную власть. В жертву этой борьбе он принес идею обновления Союза» (с. 496).

Попытка ВВС отделить ГБ от сепаратистских действия Ельцина (с. 497) лично мне представляется не вполне убедительной: прямую и открытую борьбу руководства РСФСР против союзного центра ВВС образно сравнивает с «инсценировкой фрейдовского сценария ритуального убийства стареющего отца повзрослевшими сыновьями» (с. 498). Для авторитарного же лидера, каким, по сути, и был Ельцин, разведчики любого ранга в команде «вождя» должны были стать (и стали) простой пехотой.

Петля автократии

В монографии верно отмечается роль партийно-советской номенклатуры союзных республик в распаде СССР. Вчерашние партийные лидеры быстро сомкнулись с националистами и представителями теневого эконономики на основе национально-расовой идеи с ее принципами «единства крови» и «родной земли» (с. 501). Но свой и немалый вклад в оформление распада государства внесли и Ельцин, и его команда.

Примечательны слова ВВС: «вот в такой атмосфере, когда разум молчал, когда господствовали эмоции, обжигающий накал которых перекрывался надеждой и верой в чудо, гарантом которого выступал Вождь, принимались основополагающие решения, определившие судьбу страны на многие десятилетия вперед» (с. 510). Сон разума в решающий момент истории страны! Личное мужество, высокие стремления, умение логически выстраивать предложения, умение найти свое время и место – могут сделать философа Человеком Истории. Да уж больно высоки и безжалостны требования самой Истории.

И тогда оказавшиеся у руля «не замечают» позитивного опыта Польши (добавлю – и Словении) в проведении приватизации предприятий (с. 501); ближайшей целью реформ становится создание условий для ускоренного формирования класса собственников, в первую очередь крупных и средних. Инструментом ее осуществления становятся сомнительные с точки зрения морали залоговые аукционы, пришедшие на смену скоротечной ваучерной (чековой) приватизации (с. 545).

Вот только строки монографии – «создавая новый класс (высший его слой – «олигархи», средний – «новые русские»), Ельцин ... конструировал социальную структуру как некий сервопривод, облегчавший задачу

ГБ стоял у истоков создания первой по-настоящему демократической системы подготовки госслужащих

управления социальным и политическим поведением масс» (с. 545-46) – следует дополнить: Президент и его команда только узаконили то, что тайно, с конца 1980-х годов создавали представители чиновничества и криминального мира. В такой ситуации политические лидеры страны действительно «забывали» разъяснить гражданам, что происходило в стране в те запредельно тяжелые 1992–1993 годы (с. 524).

И вот уже звучит вывод ВВС: «авторитаризм в России запускает механизмы классообразования, производства резких социальных различий, раскалывающих общество по вертикали и горизонтали и погружающих в состояние латентной, вялотекущей «войны всех против всех». Это состояние – глубинная социальная основа института личной власти, который становится более важным элементом политического устройства, его стабильности и легитимности, чем государство с его традиционными ветвями власти (правительство, парламент, суды) (с. 545). Найдите разницу с целями перестройки!

Щемлящее чувство вины

Автор монографии неоднократно отмечает интеллектуальное и политическое мужество героя книги – Г.Э. Бурбулиса. И это действительно проявилось в создании правительства новой России и его программы действий, в событиях путча в августе 1991 г., в рождении в ноябре того же года по инициативе ГБ семи кадровых центров (включая нынешний Уральский институт управления – филиал РАНХиГС) – звеньев первой по-настоящему демократической системы подготовки государственных служащих (с. 514).

Но в российском государстве, где в начале 1990-х годов восторжествовал «сон разума», во властных структурах нужны были дельцы, а не интеллектуалы. «ГБ с его стратегией поэтапного развертывания демократи-

ческих процессов оказывался третьим лишним в компании с Гайдаром и Ельциным. А доставшаяся ему функция посредника между командой Гайдара и различными политическими силами обрекала не только на заведомую непопулярность, но и на неудачи, в которых не было его вины» (с. 537).

Печальной будет эта песня? Книга В.В. Скоробогачко дает иной ответ – а вы, любезный читатель, попробуйте прожить такую же жизнь, где «сплошные переломы», посвятив ее высокой цели. Времена не выбирают... Монография «Бурбулис и другие. Портрет героя на фоне времени» стала яркой картиной жизни поколения и страны на протяжении действительно революционных десятилетий. На изломе времени, на самой линии огня

оказался друг. «Он вчера не вернулся из боя...» Знаете, пожалуй, в этом и есть бесспорная заслуга книги: осталась память о курсе; о родном факультете; о государстве, основы которого были заложены с участием Г.Э. Бурбулиса. Остался вуз, филиал РАНХиГС в Екатеринбурге, ставший для автора книги второй альма-матер... Для вдумчивого читателя эта монография-воспоминание станет поводом для отказа от легковесных и тем самым вполне несправедливых оценок тех, кто несгибаемо верил в лучшее и добровольно попал в силки идеализма, кто стоически мыслил стратегиями гуманизма, но на жестоком суде истории оказался лишь на скамье свидетелей, успев – так вышло – пропустить вперед более расторопных акторов.



Автор монографии неоднократно отмечает интеллектуальное и политическое мужество героя книги – Геннадия Эдуардовича Бурбулиса.